

– ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ –

DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-5-15

УДК 81с272

Междисциплинарный характер научных сентенций казахских лингвистов (начало XX столетия)

Б. Сагындыкулы, А. А. Адамова

Павлодарский педагогический университет имени Алкей Маргулана.

г. Павлодар, Республика Казахстан

E-mail: kasabek65@mail.ru

E-mail: adamova.aysulu@gmail.com

Аннотация. Лингвистика является одной из общественных наук и изучает различные характеристики и функции языка. Различные особенности внутренней системы языка изучаются и применяются к лингвистике. В то же время лингвистика развивается и изменяется под влиянием любых внешних общественных явлений. В указанных свойствах языка авторы статьи убеждаются, применяя к объекту учения естествознания. Это можно утверждать как конфликтологический аспект языкознания, то есть конфликтологический аспект может доказать актуальность статьи. Цель статьи – дифференцировать научные выводы первых казахских лингвистов лингвобиологического характера. Эта цель требует решения как минимум двух задач: 1) знакомит первых казахских лингвистов с общей евразийской научной средой и распространяет их научно-педагогические труды; 2) обязывает решать общие межнаучные отношения через отношения человека и языка, языка и биологии, языка и речи, языка и мышления. В качестве методологии статьи рассматриваются первые научные труды казахских учёных (А. Байтурсынулы, К. Жубанулы, С. Аманжолулы) и их научные принципы были в центре внимания. Были приведены конкретные примеры и факты названных ученых, относящиеся к родственному тюркскому языку (казахскому, чувашскому, якутскому). Кроме того, материалы словаря казахского литературного языка и информация из Википедии дали много методической информации. Статья основана на методах исторического сравнения, научного анализа, оценивания и сбора данных. Основные результаты статьи получены в отношении языкознания и естествознания. Аналогичным образом представленные в небольшом объеме проблемы палеонтологии речи и патопсихолингвистики заставляют задуматься исследователей и приводят к изучению общенаучных исследований в этом направлении.

Ключевые слова: история языка, языковые личности, палеонтология речи, патопсихолингвистика, речь, мысль, субъект, грамматический строй языка

Для цитирования: Сагындыкулы Б., Адамова А. А. Междисциплинарный характер научных сентенций казахских лингвистов (начала XX столетия) // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-5-15

САГЫНДЫКУЛЫ Бекен – д. филол. н., профессор, Павлодарский педагогический университет имени А. Марғұлана, Республика Казахстан.

E-mail: kasabek65@mail.ru

SAGYNDYKULY Beken – doctor of philological sciences, professor, NCAS «Pavlodar pedagogical University named after Alkey Margulan». Pavlodar, 140000, Republic of Kazakhstan.

АДАМОВА Айсулу Амангелдиновна – докторант, Павлодарский педагогический университет имени А. Марғұлана, Республика Казахстан.

E-mail: adamova.aysulu@gmail.com

ADAMOVA Aisulu Amangeldinovna – Of the Doktor, NCAS «Pavlodar pedagogical University named after Alkey Margulan». Pavlodar, 140000, Republic of Kazakhstan.

Interdisciplinary nature of scientific maxims of Kazakh linguists (early twentieth century)

B. Sagyndykuly, A. A. Adamova

Pavlodar pedagogical University named after Alkey Margulan.

City Pavlodar, Republic of Kazakhstan

E-mail: kasabek65@mail.ru

E-mail: adamova.aysulu@gmail.com

Abstract. Linguistics is one of the social sciences and studies the various characteristics and functions of language. Various features of the internal system of language are also studied in relation to linguistics. At the same time, linguistic knowledge develops and changes under the influence of external social phenomena. The authors of the article are convinced of this property of language by applying natural science teachings to the object. This can be argued as a conflictological aspect of linguistics. This means that the conflictological aspect can prove the relevance of the article. The purpose of the article is to differentiate the scientific conclusions of the first Kazakh linguists of a linguobiological nature. This goal requires the solution of at least two tasks: 1) introduces the first Kazakh linguists to the common Eurasian scientific environment and disseminates their scientific and pedagogical works; 2) obliges to solve general interscientific relations through the relations of man and language, language and biology, language and speech, language and thinking. The first scientific works of the first Kazakh scientists are considered as the methodology of the article. In particular, the scientific principles of A. Baitursynuly, K. Zhubanuly, S. Amanzholuly were in the spotlight. Given specific examples and facts related to Turkic languages (Kazakh, Chuvash, Yakut) were given. In addition, materials from the dictionary of the Kazakh literary language and information from Wikipedia provided a lot of methodological information. The article is based on the methods of historical comparison, scientific analysis, analysis and collection. The main results of the article are reflected in the connection between linguistics and natural science. Likewise, the problems of paleontology and pathopsycholinguistics, presented in a small volume, make researchers think and lead to the study of general scientific research in this direction.

Keywords: history of language, linguistic personalities, paleontology of speech, pathopsycholinguistics, speech, thought, subject, grammatical structure of language.

For citation: Sagyndykuly B., Adamova A. A. Interdisciplinary nature of scientific maxims of Kazakh linguists (early twentieth century) // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-5-15

Введение

Первые исследователи-тюркологи оказали большое влияние на всестороннее изучение казахского языка. Независимо от выводов, сделанных в их трудах, они удовлетворяли все отрасли языкознания. Учитывая, что произведения второй половины XIX и первого десятилетия XX века и сегодня используются в качестве ориентиров, мы удовлетворены тем, что они затронули актуальную проблему [1]. Помимо общих работ, связанных с тюркскими языками, существовали и исследования, связанные с индивидуальными лингвистическими знаниями. Например, свои мысли о казахской грамматике Ы. Алтынсарин развил в учебнике «Киргизская грамматика», изданном в 1879 году. Ученый придавал большое значение казахскому алфавиту, который он создал на основе русской графики, а также дифференцировал части речи и открыл путь их терминологии. Можно сказать, что дружба Ы. Алтынсарина и Н. И. Ильминского повлияла на описание языка в то время. Кроме того, совершенно иное место имели труды В. В. Радлова. Тем не менее основные работы по развитию тюркских языков (Литература № 1) носили преимущественно сравнительно-сопоставительный характер. В некоторых случаях это показывало внутреннюю систему развития определенного языка. Таким образом, он усовершенствовал грамматический строй языка. Но другого русла языка, особенно связи с другими областями науки, они показать не смогли. В результате потенциал тюркских языков как науки не был раскрыт. Отсюда сложилось мнение, что научное развитие языка тюркских народов, в том числе казахского

народа, берет свое начало в 1930-х гг. Действительно ли так? На каком этапе начинается рассмотрение казахского языка в тесном сотрудничестве с другими областями науки? Актуальность исследования определяется получением ответов на эти вопросы.

С другой стороны, настало время сблизить конфликтологию с лингвистикой. Согласно Википедии, «Конфликтология – междисциплинарная область знания, изучающая закономерности зарождения, возникновения, развития, разрешения и завершения конфликтов любого уровня». Конфликтологию как отдельную науку стали оценивать лишь в середине XX века. (Льюис Козер, Георг Зиммель, Ральф Дарендорф). Описаны проявления конфликтологии в искусстве, истории, математике, педагогике, политологии, юриспруденции, психологии, социологии, социобиологии, философии. Оно существует и сегодня. Но конфликтологические аспекты языкознания не рассматривались как наука ни тогда, ни сегодня. Поэтому рассмотрение вопросов отношения многих научных областей с лингвистикой до сих пор не стоит на повестке дня.

Цель статьи – определить высказывания междисциплинарных связей первых казахских лингвистов. Первыми казахскими лингвистами считаются первый национальный педагог А. Байтурсынулы, первый профессор языкознания К. Жубанулы, автор первых учебников для школы и вузов С. Аманжолулы. Именно поэтому следующие исследования являются связующим звеном между казахским языкознанием и другими научными областями. Основными задачами данной статьи являются: 1) определить научные мысли А. Байтурсынулы; 2) оценить научное наследие К. Жубанулы; 3) распространить научные взгляды С. Аманжолулы с позиций современной науки.

Выводы А. Байтурсынулы как конфликтологический аспект

А. Байтурсынулы стоял у истоков казахской науки. Свои выводы по лингвистике учёный собрал в работе «Тіл-құрал» (Язык-инструмент). Этот труд несколько раз публиковался в период с 1914 по 1928 гг. и полностью охватывал все разделы языкознания. Первый труд ученого назывался «Қазақ тілінің сарфы» (Грамматика казахского языка) и был разделен на такие подразделы: 1-годовалый (1914 г.) и 2-годовалый (1915 г.). Здесь можно увидеть, что звуки и части речи казахского языка организованы согласно правилам. Последующие работы «Тіл-құрал» находили своих читателей под названиями I-я языковая книга «Звуковая система и виды»; II-я языковая книга «Система слов и его типы»; III-я языковая книга «Синтаксис и его разделы». Хотя книга знакомит с системой языкознания, в ней достаточно моментов, по которым ученый определяет взаимосвязь языка с другими областями науки.

Работа А. Байтурсынулы 1914 г. «Қазақ тілінің сарфы» начинается с интеграции предположения: «Язык – одно из самых мощных и эффективных орудий человека и его человечности. В каком состоянии были бы люди в этом мире, если потеряли б свой язык и не могли говорить?! Если бы сегодняшние люди были лишены письменности и не могли писать, их положение не было бы легче, чем если бы они были лишены своего языка [2, с. 13]. Данная связь также сохранилась в I-й языковой книге «Тіл – құрал». Название книги учёного имеет мистическую силу. На русском языке название книги звучало бы так: «Язык – это инструмент», а на английском языке: «Language is a tool». А. Байтурсынулы не ставил перед собой цель переводить название книги на другой язык. Более того, он предупредил, что и казахским детям в начале будет не привычно восприятие книги «Тіл – құрал», в том числе его внутреннее содержание поначалу покажется таким же странным. Потому что это новая вещь, которой раньше не было у казахов. То, чего раньше не было в народе, при первом введении воспринималось как чужеродное и, постепенно привыкнув к этому, оставалось в утробе матери [3, с. 142].

В названных двух книгах в первых трех предложениях слово «язык» используется трижды. Повтор слов имеет свой собственный смысл. По нашему мнению, «язык» в первом предложении является анатомо-физиологическим объектом. Следовательно, язык выполняет органическую функцию. «Язык» во втором предложении является логико-психологическим объектом. Поэтому межличностное общение не может происходить без влияния рассуждения (логики) и речи (психологии). «Язык» в третьем предложении является социо-философским объектом. Следовательно, акт речи зависит от взаимоотношений члена социальной группы. И то, что показывает единство этих трёх качеств, – это человеческая категория. «Человек – субъект исторического процесса, развития материальной и духовной культуры на земле, биосоциальное существо (представитель вида *homo sapiens*), генетически связанное с другими формами жизни, выделившееся из них благодаря способности производить орудия труда, обладающее членораздельной речью, мышлением и сознанием» [4, с. 410]. Только овладев такими ситуациями, человек *использует язык как орудие речи*.

По рассуждениям А. Байтурсынова человек (*Homo sapiens*) занимает место на переднем плане. В простом понимании человек – представитель человечества. Это слово продолжает употребляться казахами как *живая душа, живое существо*. С другой стороны, слово жизнь произносится как движение в обществе в целом, в природе. Учение о биологии, объясняющее жизнь как «среду с условиями, необходимыми для выживания растений, животных или биоценоза в целом», рассматривает жизненную предрасположенность в естественно-научном аспекте: «Жизнеобеспеченность – способность организма постоянно взаимодействовать с внешней средой и сохранять свою жизнеспособность при изменении условий окружающей среды» [5, с. 630]. Конечно, способность в среде обитания присуща любому живому существу. «Но с биологической точки зрения, в плане естественных предпосылок своего возникновения, человек рассматривается как высшая ступень развития животных на земле» [6, с. 62]. На этом нельзя останавливаться. Деятельность *языка как орудие* реализуется только в тот момент, когда повышается признак «человечности в человеке». А человечность, добродетельность, нравственность присущи только человеку. В этом отличие человека от другого живого существа. Это первое. Во-вторых, языковая деятельность реализуется в условиях определенной среды, так называемой социальной группы. Отсюда следует, что обладатель человечества оценивается как биосоциальное явление.

«Тіл-құрал» (Язык – инструмент) отдаёт приоритет категории речи и использует языковые единицы как второстепенные средства речи. В труде лингво-психологические единицы подразделяются на речь и различение предложений; слова и различение слога в слове; слог и различение звука в слове. Как мы все знаем, психологический объект – это аспекты речи. В том числе встречается нарушение речи (речевая патология). Это также правда, что он особенно распространен в детском языке: «Дети с речевыми патологиями (нарушениями речи) – это дети, которые имеют отклонения в развитии речи, при этом у них нормальный слух и полноценный интеллект. Нарушения речи разнообразны и способны проявляться через нарушение произношения, грамматический строй речи, бедность запаса слов, а также нарушение темпа и плавности речи» [7]. Это наука известна как патопсихолингвистика. Казахский ученый А. Байтурсынов (1910–1940) не занимался патопсихолингвистикой. Тем не менее в трудах первого казахского ученого «Тіл-құрал» (Язык – инструмент) создается впечатление, что рассматриваются способы профилактики, предотвращения речевых нарушений у ребенка. Например, у ученого есть поговорка: «человек изучает родной язык у тех, кто старше, слушая его с раннего возраста». Казахский народ очень заботился о воспитании детей. В том числе родители с самого начала ответственно подходили к развитию речи у ребенка. Слова ученого о том что дети *учатся у взрослых* обращено к детям 2–4 лет, которые росли на колыбельных песнях матери и на сказках бабушек и дедушек.

Если мы продолжим мысли ученого, ребенок узнает о своем родном языке «из книг по языкознанию. Читая слова образцовых писателей, используя в письменной, устной речи, он и сам узнает его» [2, с. 254]. Здесь имеется в виду ребенок возраста 5–7 лет. Это этап развития словарного запаса ребенка. Очевидно, что у ребенка в возрасте 5–7 лет не слишком большой словарный запас. А способ увеличить словарный запас – это функция слова литературного характера. Ученый считает, что искусство слова опирается на три основы человеческого сознания: 1) на разум; 2) на воображение; 3) на внимание. Дело разума – познание, осмысление вещей; дело воображения – намек, т. е. уподобление, воспевание, описание вещей в уме в форме известных вещей; дело внимания – созерцание, выбор» [2, с. 242].

Одним из основных проявлений речевой патологии, а именно у ребенка, является грамматическая структура речи. Поэтому ученый обращает внимание от речи к предложению, от предложения к слову, от слова к слогу, от слога к звуку. Ученый считает, что ученик, пришедший на порог школы, может говорить. Он также может составлять предложения. Теперь у них есть возможность ознакомиться с единицами языка. Отсюда ученый подводит к мысли, что «в одной речи будет несколько предложений», «в одном предложении будет несколько слов», «в одном слове будет несколько слогов», «в одном слоге будет несколько звуков».

Грамматическая структура должна развиваться и созревать с каждым временем. Ученый считает, что это должно быть «правильное произношение слова», и добавляет, что «1) хорошо знать такие вещи, как различные окончания, суффиксы, частицы, которые изменяют личность, значение слов и потребляют каждое из них вместо себя; 2) правильно склонять, правильно произносить и правильно компоновать слово в предложении; 3) правильно соотносить предложения друг с другом, правильное построение и правильное размещение в предложении» [2, с. 255]. Овладение/усвоение такой грамматической структуры обязательно для ученика. Это самый ответственный момент речевой деятельности.

Мысли К. Жубанова как конфликтологический аспект

К. Жубанов – человек, обладающий научными знаниями в области языкознания. В 1928 г. он окончил Ленинградский институт живых восточных языков, в 1929–1932 гг. обучался в аспирантуре Института восточных языков и Института языка и мышления академии наук СССР по специальностям турецких языков и общего языка. Получение такого высшего образования позволило ему стать настоящим носителем науки. В его работах можно заметить, что он оспаривал свои научные интересы на мировом уровне. В трудах ученого «учеными востоковедами» названы Н. И. Ильминский, П. М. Мелиоранский, М. Терентьев, И. Лаптев, В. В. Катаринский, В. В. Радлов, Е. Д. Поливанов. В ряд известных знатоков Европы он добавил немецкого ученого Штейнталя и выдвинул аргумент против проблемы «духовной лени», написанной в его книге «Charakteristik der hauptsachlichsten Typen des menschlichen Sprachbaues» (Берлин, 1860). В выводах ученого отмечается, что он заглянул в книгу «Uber die Sprache der Jakuten» знатока якутского языка Бётлингга (Петербург, 1936). Также ученый критически излагал свои мысли по поводу выводов в научных трудах арабо-еврейского специалиста Н. Е. Вунцетеля, немецкого специалиста Бодуэна де Куртенэ, знатоков тюркского языкознания К. К. Юдахина, Шамсидин Сами, Каюма Насири, Н. Масхудова и казахских лингвистов А. Байтурсынова, К. Кеменгерулы, Е. Омарова, Т. Шонанова, Х. Досмухамедова. Все этому, конечно, способствовало его знание многих языков. О жизни ученого Википедия приводит следующее: «В совершенстве владел следующими языками: персидским, арабским, немецким, турецким, монгольским, грузинским, чувашским, коми, русским и тюркскими языками».

Ученый продолжал научно-педагогическое дело до 1937 г. Спустя долгое время он был забыт и оправдан только в 1957 г. О его учебно-методическом и научном наследии были опубликованы сборники-книги в 1966, 1990, 1999, 2010 гг. Ценность его работ, опубликованных в течение 1930-х гг., была довольно значимой, но многие из них не дошли до наших дней. По-прежнему ведется поиск опубликованных, но снятых в то время с книжных полок произведений. Тем не менее сам труд первого классического ученого оказал наибольшее влияние на становление казахского языкознания.

В настоящее время возвращаются статьи ученого, опубликованные на страницах газет и журналов. В этих работах ученый ставит проблему языка на передний план. Например, в статье «Новости новой грамматики», опубликованной в журнале «Сельский учитель» в 1937 г., говорится: «Речь – это сообщение чего-то другому. Прежде чем сообщить о чем-либо, а также о том, какое влияние это сообщение оказывает на него, скорбит, радуется, опомнился и т. д. – часто со-означает. Ибо говорящий это не камень, а живой человек, с чувствами, сердцем» [8, с. 105]. Здесь можно сказать, что ученый определил отличие существа – человека от других хозяев творения. Ученый связывает предложение как грамматическую единицу с человеческой природой. По его мнению, «предложение похоже на тело с головой, грудью, руками, ногами. Каждое из этих слов, как члены целого тела, отражает каждую частицу всего тела» [8, с. 36].

«Лекции К. Жубанова по научному курсу казахского языка», опубликованные в 1933 г. в журнале «Политехническая школа» по сей день имеют высокую ценность. Работа, опубликованная в виде статьи, состоит из двух лекций. И включает особенности, характерные для звуковой системы казахского языка. Если говорить только о звуковой системе, то здесь прослеживается взаимосвязь межнаучных отраслей, дифференцированных на более высокой стадии. Особенно можно отметить систематизацию учения о физике, биологии, музыке. Оказывается, даже само слово фонетика имеет определение, свойственное многим наукам. «В корне слова Фонетика три предыдущих звука слово «фон» – мы также подвергаем воздействию в других местах. Например, в словах граммофон, телефон, фонограф. Все мы знаем, что «фон» означает звук. Теперь мы также встречаем в словах грамматика, косметика спряжение «тика», в котором слово фонетика имеет два конечных слога. Во всем этом мы видим, что союз «тика» означает «система», «наука». Следовательно, фонетика является наукой о звуке», – говорит ученый [8, с. 15]. Здесь очевидно, что «фон» встречается в науке о физике, косметика встречается в науке о биологии, грамматика встречается в науке о лингвистике, граммофон встречается в науке о музыке.

Если говорить о происхождении, степени становления и развития человека (*homo sapiens*), то можно заметить, что в этом направлении публикуются многие статьи ученого. Например, ученый непрерывно писал статьи в «Бюллетенях государственной терминологической комиссии». Многие из них являлись перечнем предметов, характерных для естествознания. Его можно узнать из названия статьи «О терминах физики», «О терминах математики». Ученый в статье «О специфике слов терминов» подробно объяснил терминологию слов, даже относящихся к биологии: «Обыденные слова отдельных языков становятся терминами, когда они освобождаются от этой национальной принадлежности, когда они фиксируют определенные научные понятия, не известные установкам создания отдельных народов. Казахские слова «тау сағыз», «жабағы» оставались обыденными словами, пока они употреблялись как выражения тех понятий, какие вкладывают им казахи. Но те же слова стали терминами, когда слова «тау сағыз» стало выражать определенное ботаническое и биохимическое понятие, а слова «жабағы» – товароведческое» [8, с. 363].

Одно из направлений учения о биологии характеризуется объяснением структуры видов растений. Например, «Камыш – растение, произрастающее на берегах рек, озер, а также в илистых, болотистых, влажных местах » [9, с. 197], или «Курай (травя) – название более крупных травянистых растений и их твердый стебель которым не питается скот», или «старинный духовой музыкальный инструмент» [10, с. 205]. Именно в названиях растений корень звукоизолирующего и звукового аппарата человека един. Это потому, что «какой бы звук ни был, он возникает из-за того, что что-то возбуждается и вибрирует». Поэтому ученый различал общие физические закономерности, характерные для звучания, от соотношения названия растения и органов речи человека. Ученый говорит: «Мы играем на курае как на флейте. Потому что пространство в нем удобно для того, чтобы дуть и издавать звуки. Но трава, выросшая на земле, не растет для того, чтобы быть флейтой. В ней не было того пространства, чтобы быть флейтой. Тогда, воспользовавшись его удобством, человек вырезал и проткнул его. Как и в случае с этим растением, человек адаптировал свои органы пищеварения, дыхания, создал звукопроизношение. Со временем этот инструмент усовершенствовали, чтобы он мог воспроизводить различные звуки как в наши дни» [8, с. 83] Здесь растение и звуковой аппарат, кажется, на первый взгляд никак не взаимосвязаны. Но, наверное, не стоит спорить, что их звуковая служба имеет одинаковое соотношение. Более того, созвучие сосудов головного мозга человека и корней растений неоспоримо, что вероятность их роста и распространения настолько близка друг к другу.

Еще К. Жубанов выдвинул весьма весомый научный вывод, который не смогли высказать другие лингвисты. Он смог показать, что язык нуждается в палеонтологических исследованиях. Например, в статье ученого под названием «К постановке исследования истории фонетики казахского языка» утверждалось, что игнорирование двигательной функции языка, динамики его развития, исторических принципов в его изучении тормозит решение многих проблем. Статья была опубликована в «Трудах Казахстанского научно-исследовательского института национальной культуры» 1935 г.

Как правило, палеонтология трактуется с точки зрения естественнонаучного учения: «Наука о древних (вымерших) организмах, которые сохранились в виде ископаемых остатков или оставили следы своей жизнедеятельности; раздел биологии, тесно смыкающийся с геологией» [11]. К. Жубанов отождествил высказывание, обращенное к естествознанию, с областью лингвистики: «Дело в том, что многим кажется, будто историческое изучение языка не имеет прямого отношения к языковому строительству, будто подобное изучение преследует «чисто научную», «отдаленную» цель, будто палеонтология речи, выкапывая какие-то «доисторические» формы, не способна помочь практической работе над языком: установлению к терминологии и орфографии, выработке норм литературных языков, разработке вопросов грамматики, методов преподавания языка и пр.» [8, с. 153].

«Лингвист не может и не должен отказываться от такого орудия познания строения речи, каким является палеонтология». Ученый разворачивает приведенный ниже пример следующим образом: «В казахском словоупотреблении выражения **kun koru**, **kun eltu** – «прожить», «жизнь», подлинно означающие «видеть (когу), день (kun) или солнце», «нести с собой день-солнце», «иметь при себе солнце». Отсюда «состояние» (имущественное) обозначается выражением **kun korgew**, слово в слово обозначающим «то, что дает видеть солнце». Современный казах, конечно, не связывает понятия «жить» с видением «солнца» или «дня»... Употребляя подобные выражения, современный казах отвлекается от значений отдельных слов и все сочетание в целом воспринимает как одно слово «жить», не ассоциируя ни с «солнцем», ни с «видением», ни с «несением» [8, с. 158].

Ученый называет две особенности палеонтологического явления по отношению к языку. Первое из них, как было доказано выше, – это межнаучные связи, связанные с окружающей средой, так и второе – особенности междотраслевого общения языкознания. По словам самого ученого, «Фонетика, морфология, лексика и семантика не разделены друг от друга «китайской стеной», а связываются между собой и обуславливают друг друга, переходят, переливаются друг в друга».

Мысли С. Аманжолова как конфликтологический аспект

В 1930-х гг. в казахской науке появились несколько значимых личностей. Среди знатоков языка можно назвать С. Аманжолова. Он автор самых первых учебников. При его непосредственном участии в 1932 г. была опубликована книга «IV жылдық тіл кітабы» (IV-годовая языковая книга). Первый учебник для школьников 1934 г. и первый учебник для слушателей вузов 1940 г. также принадлежат С. Аманжолову. Из них наиболее близким к научному пониманию является труд под названием «Краткий курс научного синтаксиса казахского языка». Этот труд был предназначен для студентов вузов и подготовлен в 1940 г. на правах рукописи. Первая часть книги, то есть общий раздел размером 5,5 печатных листов, была официально опубликована в 1950 г. Ученый назвал эту работу «Краткий курс синтаксиса казахского литературного языка», дополняя и редактируя ее, намереваясь представить ее своим читателям. Но ему не хватило жизни. После этого книга не выходила в свет почти 40 лет. Только в 1994 г. сын ученого (А. С. Аманжолов) выпустил книгу из печати, сохранив название, данное ему отцом [12].

Интересно, что первое предложение книг двух предыдущих ученых (А. Байтурсынова, К. Жубанова) началось с такого мнения, что язык отражает человеческое общение, его связь с другими научными каналами. Такую же мысль высказал и С. Аманжолов: «Речь существует с того дня, как человек (*homo sapiens*) стал человеком. Мышление тоже. Эти двое похожи друг на друга как близнецы. Кто умеет говорить, тот умеет думать. Вот почему самое основное различие между человеком и животным, человеку даны эти две способности. Животное не может говорить и, следовательно, думать. Человек нашел речь и мышление на пути тысячелетней жизни, борьбы за облегчение своего противостояния силе природы» [12, с. 11]. Мы знаем, что в выводе ученого соединены три направления науки. Первая – анатомия человека. Согласно информации в Википедии, анатомия – это отрасль естествознания, изучающая строение, форму, движения человеческого тела, взаимоотношения органов. Вторая – речь. По мнению ученого, «речь – это не синтаксическая категория», очевидно, что речь в его понятии является психологической формой. Третье – мышление. Это логическая категория. Опять же, как поясняет Википедия, «Мысль – действие ума, разума, рассудка». Эти три категории оказываются неполными одна без другой.

Совершенно очевидно, что анатомический объект – это отдельная отрасль науки для категорий отдельных сфер. Например, ученый рассматривает само происхождение членов предложения как связанное с субъектом. Субъект в философии трактуется как «познающий и действующий человек, существо, противодействующее внешнему миру как объект познания» [13]. С. Аманжолов углубляется по этому вопросу: «Для человека первым объектом является весь мир природы, кроме него самого. В отличие от этого, первоначальное предложение не имело особого начала (подлежащее), доработки (обстоятельства), определителя (определение), рассказчика (сказуемое), дополнения. Все это имело смысл только в одном слове. Причина этого в том, что изначально субъект (человек) не мог признать себя индивидом...» [12, с. 20].

Сознание разбогатеет благодаря логическому мышлению, зрелости в человеке, контрасту предметов. В этом контексте можно привести пример-аргумент С. Аманжолова: «Оче-

видно, что многие прилагательные произошли от существительных. Например, **синий** означает «небо», «трава» и «синий цвет». **Красный** у азербайджанцев обозначает «золотое», вместо настоящего **красного** они используют слово «кырмызы». Некоторые прилагательные произошли от двух скрещенных существительных. Например: **жаксы** (хорошо) образовано от слова **жақ+сы**. «Сы» на якутском обозначает **сыя** «масло», а слово «жақ» на (уйгурском **йағ**, на тувинском **чаг**) имеет значение **масло (мазать)**. Таким образом, эти два слова «масло» соединились и образовали новое слово (прилагательное). Если вспомнить, что определителями наряду с прилагательными являются существительные, то можно не сомневаться, что весь определитель – это противопоставление предметов» [12, с. 24]. Это всего лишь формулировка ученого относительно определяющего члена предложений. Следует понимать, что проявление развития, зрелости человеческого сознания описано в тесной взаимосвязи с выходами членов предложения. Даже само название раздела, относящегося к члену предложения ученого, называется «Происхождение и образование основных членов предложения казахского языка». Следовательно, бытие воспринимается как общая проблема для человека и характера происхождения, развития других явлений.

В формулировке С. Аманжолова, как выше отмечал К. Жубанов, встречается близкое к палеонтологическому явлению объяснение. Такие примеры, приведенные ученым, как *қарным ашты – проголодался, ішім бұрды – захотел, мал көзіме түсті – увидел домашний скот, құлақ қойдым или құлақ салдым – прислушался, ашу қысты – разозлился, разгневался, сөз өтпейді – не послушался, жаным ашыды – пожалел* противоречит измерению современного логического мышления. Каждый из них по-своему связан с мифом, магией. Если взять слово «*ішім бұрды*» прямой перевод *живот повернулся*», то кажется, что сам живот что-то перевернул на бок. На самом деле, «живот» – это не просто «живот», а слово, выраженное во всех мыслях, разочарованиях, убеждениях. Конечно, первый человек не мог различить их друг от друга, и впоследствии возникла аналитическая мысль» [12, с. 12]. Здесь различие между пониманием первобытного человека и восприятием современного человека описывается с помощью конкретных языковых материалов. Следовательно, язык порождает представление о том, что он зависит от изменений в окружающей среде и существует в единстве с другими средствами общественного базиса.

Закключение

В заключение следует отметить, что на этапе научного развития казахского языкознания личности упомянутых ученых пользовались огромным авторитетом. Такая честь была оказана им благодаря их многочисленным ценным трудам. Мы опирались лишь на одно из направлений их деятельности, в частности, на выводы, относящиеся к естествознанию. Результаты статьи:

1) первый казахский учёный А. Байтурсынов вывел конфликтологию из руслу отдельной науки и рассматривал её как форму общей междисциплинарной коммуникации. Больше внимания мы уделили лингвобиологическому аспекту. На счет этого учёный сказал: «Есть искусство поддержки, которое используется на протяжении всей жизни. Лес, море, гора, камень, река, весна – это произведение природы». Это было вызвано мнением, что они «исходят из потребности человека сохранить жизнь». А так называемые изобразительные художественные единицы ученого – это «вещи, исходящие из потребности человека расстаться с душой». Они включают пять видов искусства: архитектуру, скульптуру, живопись, музыку, литературу. Они, конечно, остаются объектом, требующим особого внимания;

2) К. Жубанов, первый профессор казахского языкознания, также разработал глубокие суждения относительно межнаучной коммуникации. В частности, он предложил рассма-

тривать языковое образование вместе с естественными науками в целом. В исследованиях ученого были максимально описаны значения истории языка, его социальная функция по отношению к человечеству в целом, влияние среды (биологии) свойственной человеческому языку. Он предвосхитил многие научные исследования в этом направлении;

3) С. Аманжолов оставил особенные работы по казахской лингвистике. Его можно назвать первым составителем учебников казахского языка. Ученый также сосредоточил внимание на выводах, касающихся взаимоотношений лингвистики с другими областями науки. Его сведения о роли языка в межличностных отношениях, характере социальных изменений в области языкознания, несомненно, будут оценены как свежие данные. Мы полагаем, что методологические знания ученого в выделении единиц, характерных для промежуточного объекта языка и речи, языка и мышления, языка и философии, создадут новые идеи для исследователей общего профиля.

Литература

1. Будагов, Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Том 1. – Санкт-Петербург, 1869; Том 2. – Санкт-Петербург, 1871; Ильминский, Н. И. Материалы к изучению киргизского наречия. – Казань, 1860; Катанов, Н. Опыт исследования урянхайского языка. – Казань, 1903; Катаринский, В. Грамматика киргизского языка. – Оренбург, 1897; Лаптев, И. Материалы по казах-киргизскому языку. – Москва, 1900; Мелиоранский, П. М. Краткая грамматика казах-киргизского языка. Фонетика, этимология. Часть 1. – Санкт-Петербург, 1894; Синтаксис. Часть 2. – Санкт-Петербург, 1897; Радлов, В. В. Опыт словаря турецких наречий. В 4-х томах. – Санкт-Петербург, 1888–1911; Сазонов, Н. Записки по грамматике киргизского языка. – Ташкент, 1912; Терентьев, М. А. Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская. – Санкт-Петербург, 1875.
2. Байтурсинов, А. Вопросы казахского языкознания / Составитель Г. Анес. – Алматы : Абзал-Ай, 2013. – 640 с.
3. Байтурсинов, А. Вопросы казахского языка (Труды о казахском языке и просвещении) / А. Байтурсинов. – Алматы : Родной язык, 1992. – 448 с.
4. Философский словарь / Под редакцией И. Т. Фролова. – Москва : Изд. Политической литературы, 1980. – 444 с.
5. Словарь казахского литературного языка. Том 14 / Составители : М. Малбаков [и др.]. – Алматы, 2011. – 800 с.
6. Русско-казахский толковый словарь / Под редакцией Е. Арын. – Павлодар : Научно-изд. Центр ПГУ им. С.Торайгырова, 2002. – 66 с.
7. Солодова, Е. Сущность речевой патологии. – URL: [https:// spravochnick.ru](https://spravochnick.ru) > psihologiya (дата обращения: 31.08.2023).
8. Жубанов, К. Вопросы казахского языкознания / Составитель Г. Анес. – Алматы : Абзал-Ай, 2013. – 640 с.
9. Словарь казахского литературного языка. Том 9 / Составители : А. Ыбырайым [и др.]. – Алматы, 2011. – 800 с.
10. Словарь казахского литературного языка. Том 10 / Составители : М. Малбаков [и др.]. – Алматы, 2011. – 800 с.
11. Словари и энциклопедии на Академике. – URL: [https:// dic.academic.ru](https://dic.academic.ru) > enc_geo.
12. Аманжолов, С. Краткий курс синтаксиса казахского литературного языка / С. Аманжолов. – Алматы : Санат, 1994. – 320 с.
13. Словарь русского языка. Источник определений: «Oxford Languages».

References

1. Budagov, L. Z. Sravnitel'nyj slovar' turecko-tatarskih narechij. Tom 1. – Sankt-Peterburg, 1869; Tom 2. – Sankt-Peterburg, 1871; Il'minskij, N. I. Materialy k izucheniyu kirgizskogo narechiya. – Kazan', 1860; Katanov, N. Opyt issledovaniya uryanhajskogo yazyka. – Kazan', 1903; Katarinskij, V. Grammatika kirgizskogo yazyka. – Orenburg, 1897; Laptev, I. Materialy po kazah-kirgizkomu yazyku. – Moskva, 1900;

Melioranskij, P. M. *Kratkaya grammatika kazak-kirgizskogo yazyka. Fonetika, etimologiya*. CHast' 1. – Sankt-Peterburg, 1894; *Sintaksis*. CHast' 2. – Sankt-Peterburg, 1897; Radlov, V. V. *Opyt slovary tureckih narechij*. V 4-h tomah. – Sankt-Peterburg, 1888–1911; Sazontov, N. *Zapiski po grammatike kirgizskogo yazyka*. – Tashkent, 1912; Terent'ev, M. A. *Grammatika tureckaya, persidskaya, kirigizskaya i uzbekskaya*. – Sankt-Peterburg, 1875.

2. Bajtursynov, A. *Voprosy kazahskogo yazykoznaniya / Sostavitel' G. Anes.* – Almaty : Abzal-Aj, 2013. – 640 s.

3. Bajtursynov, A. *Voprosy kazahskogo yazyka (Trudy o kazahskom yazyke i prosveshchenii) / A. Bajtursynov.* – Almaty : Rodnoj yazyk, 1992. – 448 s.

4. *Filosofskij slovar' / Pod redakciej I. T. Frolova.* – Moskva : Izd. Politicheskoy literatury, 1980. – 444 s.

5. *Slovar' kazahskogo literaturnogo yazyka. Tom 14 / Sostaviteli : M. Malbakov [i dr.].* – Almaty, 2011. – 800 s.

6. *Russko-kazahskij tolkovyj slovar' / Pod redakciej E. Aryn.* – Pavlodar : Nauchno-izd. Centr PGU im. S. Torajgyrova, 2002. – 66 s.

7. Solodova, E. *Sushchnost' rechevoj patologii.* – URL: <https://spravochnick.ru/psihologiya> (data obrashcheniya: 31.08.2023).

8. ZHubanov, K. *Voprosy kazahskogo yazykoznaniya / Sostavitel' G. Anes.* – Almaty : Abzal-Aj, 2013. – 640 s.

9. *Slovar' kazahskogo literaturnogo yazyka. Tom 9 / Sostaviteli : A. Ybyrajym [i dr.].* – Almaty, 2011. – 800 s.

10. *Slovar' kazahskogo literaturnogo yazyka. Tom 10 / Sostaviteli : M. Malbakov [i dr.].* – Almaty, 2011. – 800 s.

11. *Slovari i enciklopedii na Akademike.* – URL: <https://dic.academic.ru> > enc_geo.

12. Amanzholov, S. *Kratkij kurs sintaksisa kazahskogo literaturnogo yazyka / S. Amanzholov.* – Almaty : Sanat, 1994. – 320 s.

13. *Slovar' russkogo yazyka. Istochnik opredelenij: «Oxford Languages».*

